
Э. С. КУЛЬПИН

ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ ВЫПОЛНЕН ЗАВЕТ ЧИНГИСХАНА

Из всего, что мы знаем о монгольском вторжении в Европу, пожалуй, самым непонятным до сих пор остается неожиданное прекращение нашествия. Непонятность причин связана с традиционным представлением о завоевателях как о едином целом, хотя известно, что они не были однородны ни социально, ни этнически и соответственно имели разные интересы. В частности, оказалось забытым основополагающее утверждение патриарха золотоордынских исследований Германа Федорова-Давыдова относительно подневольной роли тюрок в монгольской империи. Если рассматривать процессы и события через призму этой забытой константы, то можно видеть, что расхождение интересов тюрок и монголов могло вынудить последних прекратить наступление на Западную Европу.

Ключевые слова: монгольские завоевания, природа, этносы, политика, экономика.

Из всего, что мы знаем о монгольском вторжении в Европу, пожалуй, самым непонятным до сих пор остается неожиданное прекращение нашествия. До сих пор историки спорят, почему Батый, дойдя до Адриатики и находясь буквально в двух шагах от Вечного города – Рима, нарушил завет Чингисхана, прекратил поход и навсегда ушел из Западной Европы. Формальная причина – необходимость участия Батые в выборах нового хана монгольской империи. Эта причина вряд ли была определяющей, поскольку на выборы он не поехал. В качестве другой веской причины называют большие потери монголов после завоевания Руси, но тезис недостаточно аргументирован. Возможны ли иные причины, которые историки до сих пор не рассматривали?

* * *

Что нам известно о событиях 1230–1250-х гг. из исторических документов?

История и современность, № 2, сентябрь 2011 61–85

То, что начало государства Джучидов в Восточной Европе и Сибири имеет свою предысторию. Оно было положено еще при жизни Чингисхана. В 1207–1208 гг. после покорения сибирских народов он выделил область правления – улус – старшему сыну Джучи. При этом небольшому владению в Южной Сибири **Чингиз предписал расширяться в западном направлении «вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади»** (Тизенгаузен 1941: 150, 204). На запад были посланы два тумена во главе с лучшим монгольским полководцем Судэбе, победоносно прошедшим Иран, Закавказье, Северный Кавказ, разгромившим объединенное русско-половецкое войско на Калке в 1223 г., потерпевшим поражение от волжских булгар и вернувшимся в монгольские степи. После смерти Джучи в 1227 г. на курултаях 1227–1229 гг. были подтверждены права его сына Бату на земли Сибири, Булгарии, Дешт-и-Кыпчак (степной зоны Евразии от Алтая до Карпат), Башкирию, Русь и Черкесию до Дербента. Тогда же преемник Чингисхана великий каан Угедей «во исполнение указа, данного Чингисханом на имя Джучи, поручил завоевание северных стран членам его дома» (Там же: 22). На курултае в 1235 г. «состоялось решение овладеть странами Булгара, асов и Руси, которые, находясь по соседству становищ Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» (Там же).

То, что для завоевания Восточной Европы в помощь Бату-хану великий каан Угедей выделил 12 царевичей с их войсками, и весной 1236 г. армия Бату из района Иртыша начала свое движение на запад. Осенью того же года отряды Бату вступили в пределы Волжской Болгарии и завоевали ее к концу года, разрушив города, истребив часть населения, которое не успело спрятаться в лесах и убежать на Русь. Затем в 1237–1241 гг. монголы опустошили Русь, Половецкое поле и Тавриду. После этого, преодолев Карпаты, прошли по землям Польши, Венгрии, Сербии. При этом, как писал историк XV в. ал-Айни, монголы «захватили то, что могли захватить, и уничтожили тех, которых были в состоянии уничтожить», из-за чего «опустели земли и обезлюдели страны» (Он же 1884: 503), и остановились на Адриатическом побережье. В 1241 г. умер каан Угедей. Возникла угроза династической распри и меж-

доусобных войн. Войска Бату возвратились в степи Восточной Европы.

После похода на Запад наступил период без войн и восстаний побежденных народов Восточной Европы. Лишь в 1249/1250 г. братья Александра Невского Андрей и Ярослав подняли восстание против монголов, надеясь, что смена хана в Каракоруме позволит им избавиться от вмешательства Орды в русские дела. На Андрея была послана карательная экспедиция Неврюя, на Даниила Галицкого – Хуррумши (Куремсы в русских летописях). В Северо-Восточной Руси восстание было подавлено в 1252 г., в Юго-Западной Руси – в 1250-е гг.

Хотя политическая история Улуса Джучи – Золотой Орды – начинается с 1243 г., когда Батый возвратился из похода в Европу, великий князь Ярослав первым из русских правителей прибыл в ставку монгольского хана за ярлыком на княжение. К 1244 г. все русские князья получили ханские ярлыки (грамоты) на княжение. Обозначились восточные и южные границы Улуса Джучи, включившего в себя степи Западной Сибири, Казахстана и Восточной Европы до Дуная, Северный Кавказ, Крым, Молдавию, Волжскую Болгарию, мордовские земли, Русь и левобережный Хорезм. Однако – не западные.

Десять лет Улус Джучи не имел столицы, хотя были быстро восстановлены разрушенные в ходе завоевания крупные города, такие как Ургенч (Хорезм), Болгар (бывшая столица Волжской Болгарии), Дербент. Власть сосредоточивалась в ханской ставке, а хан кочевал в степи с весны до поздней осени, зимую в первые годы, возможно, в Болгаре. Лишь около 1250 г. он стал зимовать в низовьях Волги, где для него и знати началось строительство дворцов разноплеменными ремесленниками из покоренных народов. По ханскому дворцу возникший впоследствии город стал зваться Сараем, первое упоминание о котором относится к 1254 г.

Мы не знаем, что думал Бату перед походом на Западную Европу, не знаем, каковы были его соображения на Адриатике в 1242 г., но можем уверенно утверждать, что в 1250-е гг. он уже точно не думал о завоевании новых земель. Индикатор – ставка хана, точнее, ее состояние. Ставка хана – центр Улуса – является не-

видимым, но точным отражением настроений монгольской элиты по отношению к выполнению завета Чингисхана. Подвижное состояние означало, что задача продолжения завоевания с «повестки дня» не снята. Ведь от того, как далеко монголы намеревались продвигаться на запад, соответственно так же далеко на западе должен был располагаться административный центр Улуса. Общая историческая закономерность в создании такого центра связана с рядом предпосылок и следствий. О главном следствии точно и кратко писал известный историк XX в. Уильям Мак-Нил: «Если столица была столь жизненно необходима и если пребывание правителя в столице (часть года или постоянно) было столь же важно, то расширение границ (государства. – Э. К.) становилось затруднительным» (Мак-Нил 2008: 29).

Для удержания власти на завоеванной территории желательно было административный – политический центр государства расположить в месте, равноудаленном от анклавов плотного поселения, находящихся на окраинах государства. Если не сделать этого, то эффективность управления дальней периферией при тогдашних средствах коммуникации становилась чрезвычайно низкой. Середина государства – это домен хана, его личное земельное владение. Известно, что Бату распределял и перераспределял территории (улусы) по своим ближайшим родственникам. Для себя он выбрал левый берег Волги, потом добавил себе Северный Кавказ (распределение владений Улуса Джучи см.: Егоров 2009: 162–166). Место столицы – в центре домена – определилось после добавления к домену Северного Кавказа.

Мы не знаем, как окончательное решение было связано с восстаниями в Северо-Восточной и Западной Руси, но факт, что оно было принято во время восстаний или сразу после них. Однако даже если взаимосвязь была, то данный факт еще не может однозначно свидетельствовать в пользу предположения о том, что монголы были обескровлены в первом походе на Русь и именно поэтому не могли завоевать Западную Европу. Конечно, конкретные цифры размера армии и потерь могли бы прояснить ситуацию. Но данные в письменных источниках того времени весьма условны и субъективны. Пожалуй, из современных историков лишь Н. Н. Крадин проверяет

«гармонию алгеброй»: данные нарративов – биологическими ограничениями. Так, он вводит в научную аргументацию понятие экологической продуктивности монгольских степей, которая в то время позволяла прокормить максимум 800 тыс. человек (Крадин, Скрынникова 2006: 426). А это значит, что при простом демографическом воспроизводстве, когда семья состоит из 5 человек, взрослых мужчин не может быть больше 160 тыс., и армия не может превысить данный предел, более того, естественно, по разным резонам не все взрослые мужчины могут быть призваны на «действительную службу». «Судя по “Сокровенному сказанию”, – пишет исследователь номадов (Там же: 425–426), – Чингис-хан в 1205 г. располагал не менее ста тысячами всадников... На момент смерти основателя державы левое крыло состояло из 38 тыс., правое – из 62 тыс. С учетом тысячи личных телохранителей, называемых *гол*, а также 40 тыс., которые были розданы ближайшим родственникам, общая численность войска составляла 141 тыс. всадников (Рашид-ад-дин 1952: 266–278)». При этом известно, что Джучи достались 4 тысячи (Там же: 274). *Следовательно, монголы могли завоевывать мир при такой своей предельной численности населения, и лишь завоевав, снять ограничение предела.*

Далее, нужно четко представлять себе физическое пространство монгольских завоеваний. В первой половине XIII в. оно составляло более половины всего Евразийского континента – от Дальнего Востока до Европы. В Китае, Центральной и Передней Азии, на Ближнем Востоке, на территории не только громадной, но и густонаселенной были рассредоточены 140–160 тысяч монгольских воинов, удерживающих в повиновении только что завоеванные страны и народы и завоевывающих новые. Конкретно, в 30–40-х гг. XIII в., кроме Руси, монгольские отряды покоряли отдельные иранские области, в 1243 г. нанесли поражение сельджукскому султану Гийас ад-дину Кейкубаду II в Малой Азии. Однако большая часть монголов, надо полагать, в то время была задействована в Китае. Там монголам противостояла самая большая армия, которая только могла быть в те времена, а именно численностью более 1 млн (История...1974: 106). Там с 1234 г. началась победоносная, но тяжелая, изнурительная 43-летняя война с Сунской империей. Там пе-

ред степняками стояла задача покорения стомиллионной (Фицджералд 2004: 219) и самой развитой страны тогдашнего мира. (Для сравнения: русских в то время было, по-видимому, 5,4 млн [Нефедов 2001].)

Н. Н. Крадин вслед за Хрусталевым утверждает: «Следует также не забывать, что потери монголов были велики, что никоим образом не оправдывает их жестокость. По некоторым предположениям, только за время первого похода на Русь монголы из 70 тыс. воинов потеряли примерно 25 тыс. убитыми» (Крадин, Скрынникова 2006: 481). В. Л. Егоров пишет: «Численность выступившей в Европу армии можно определить лишь крайне приблизительно по косвенным данным. Материалы последних исследований позволяют утверждать, что под знаменами хана Бату было собрано около 65 тысяч человек» (Егоров 2003). При всех уникальных для того времени возможностях монголов быстро концентрировать войска в одном месте трудно предположить, что на завоевание Руси монголы бросили практически половину наличных воинов, тогда (по остаточному принципу) в Китай они могли направить столько же, при этом потеряли почти пятую часть всех воинов. Если потери соответствовали действительности, то на завоевание Западной Европы осталось не более 45 тыс. Хотя другие историки также говорят о значительных потерях после покорения Руси (Он же 2009: 26), но приводят иные количественные данные: в походе 1241 г. было задействовано в общей сложности до 60 тыс. воинов: 50 тыс. против Венгрии, 10 тыс. против Польши (Геккеньян 2009: 161, 162). Если на Западную Европу действительно шло 60 тыс., то потери на Руси снижаются до 5 тыс. человек.

Чтобы понять, какими в принципе могли быть потери монголов, надо обратиться к качественным характеристикам. Н. Н. Крадин, ссылаясь на У. Мак-Нила (Мак-Нил 2004: 645, прим. 16), пишет: «С точки зрения У. Мак-Нила, монголы значительно превосходили своих противников мобильностью и координацией действий на очень дальних расстояниях. Они могли перемещаться рассредоточенными колоннами по любой местности, поддерживая постоянную связь, поэтому могли объединяться в боевые порядки в нужный момент и в нужном месте... европейские армии не достигли такого уровня координации до конца XIX в. У монголов были

отличные гонцы, превосходная глубокая и фланговая разведка. Играла свою роль и удивительная выносливость как воинов, так и лошадей, возвращенных в суровых условиях». Далее ученый отмечает следующие моменты: «Монгольская армия была основана на так называемой десятичной системе.... Открытие принципа иерархии (в том числе десятичной системы) в свое время сыграло в истории военного дела не менее важную роль, чем, например, изобретение колеса для технического прогресса. <...> Жесткая военная иерархия предполагает строгую дисциплину. <...> Десятичная система и круговая порука не предполагают необходимость специальных контролеров. <...> Такая система была очень удобна для управления большими массами людей. <...> (Но она – Э. К.) далеко не всегда отражала действительную численность воинов, а показывала военно-политический статус подразделения... Не случайно монгольское слово *тумен* одновременно обозначает и “десять тысяч”, и “бесчисленное множество”» (Крадин, Скрынникова 2006: 424–425, 430). Монголы заимствовали у китайцев пороховые снаряды, сосуды с нефтью и негашеной известью, ракеты на бамбуковых палках, дымовую завесу для скрытия маневров на поле боя и психологического устрашения противников, первые пушки (Там же; Фицджералд 2004: 189, 191). Как только «катапульты и пороховые орудия стали действительно мощными, монголы продемонстрировали их способность как рушить, так и защищать крепостные стены», – пишет У. Мак-Нил (2008: 62).

«Нет сомнения, – отмечает С. А. Нефедов (2008: 194–195), – что монголы обладали военным превосходством над своими противниками, но каковы были масштабы этого превосходства? Приведем один пример. В сентябре 1211 г. монголы встретились в битве у крепости Хуйхэпху с армией могущественной империи Цзинь. Это была регулярная армия, состоявшая из профессиональных воинов-латников. В авангарде выставляют копьеносцев, которых называют “ин” – “стойкими”, – писал о цзиньцах сунский историк Сюй Мэн-синь. – Солдаты и их лошади одеты в латы. За копьеносцами, которые составляли около половины армии, следовали лучники, одетые в легкие панцири. Копьеносцы таранили строй противника, а лучники производили залп, ворвавшись в него на глубину ста шагов. Численность цзиньской армии составляла около 500 тысяч сол-

дат – это были лучшие войска, собранные со всей огромной империи. Монголов было не более 100 тысяч – тем не менее цзиньская армия была наголову разбита и практически уничтожена. ...В сотнях битв на протяжении XIII в. монголами командовали разные (и не всегда талантливые) полководцы – тем не менее, они почти всегда побеждали». Главным их преимуществом стало новое оружие.

Монгольский лук, небольшой по размерам, был скорострельным и обладал пробойной силой, вдвое превышающей силу других луков того времени. По мощи лук не уступал аркебузам, а по скорострельности намного превосходил их. «Ю. С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом другого фундаментального открытия – появления автоматического оружия в XX в. Скорострельность монгольского лука имела не меньшее значение, чем его мощность, она позволяла монгольским воинам сокращать дистанцию боя, давала им уверенность в том, что противник не устоит перед “ливнем стрел”» (Нефедов 2008: 197). «...Мощный лук требовал от стрелка особых физических и психологических качеств... Воинам других народов было чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно научиться хорошо стрелять из монгольского лука, даже если бы он достался им в качестве трофея» (Там же: 199).

Далее Нефедов утверждает следующее. Новое оружие требовало применения тактики, которая обеспечила бы использование всех его преимуществ. Эффект появления нового лука был таким же, как эффект появления огнестрельного оружия: он заставил большинство воинов снять доспехи. В некоторых сражениях у монголов совсем не было тяжелой конницы. «Монгольские полководцы стремились к решительному столкновению с противником, – цитирует Нефедов Ю. С. Худякова. – Вера в свою непобедимость была столь велика, что они вступали в бой с превосходящими силами противника, стараясь подавить его сопротивление массовой стрельбой» (Там же: 202). Эффективность стрельбы была столь велика, что Р. П. Храпачевский сравнивает ее с огневой мощностью регулярных армий Нового времени. Р. П. Храпачевский и Ю. С. Худяков полагают, что лишь развитие огнестрельного оружия положило предел господству конных лучников (Там же: 199–200, 202). Косвенно данные выводы подтверждают и авторы, которые говорят о больших потерях монголов в русском походе: «На протяжении все-

го времени пребывания монголов в Западной Европе они не потерпели ни одного поражения. Такие значительные по силам армии, как объединенная польско-немецко-моравская в сражении у Легницы или 60-тысячная венгерская в битве при р. Шайо, были разбиты монгольскими войсками, выступавшими в этих битвах даже не в полном составе» (Егоров 2009: 26).

У русских не было монгольской дисциплины, стратегии и тактики, новых видов оружия. Возникает вопрос: как разрозненные дружины русских князей, которые даже у старших князей составляли отряд в 700–800 человек (Пушкарев 1991: 48), смогли оказать столь сильное сопротивление монголам, что те потеряли почти пятую часть всей воинской силы империи (25 тысяч убитых из 140 тысяч – это 18 %)? Что реально могли противопоставить русские монгольскому нашествию? Только мужество и самоотверженность. Но, как справедливо пишет Нефедов, «история войн свидетельствует о том, что мужество и смелость постоянно вынуждены отступать перед всепобеждающим новым оружием» (Нефедов б. г.). Количественные данные вызывают сомнение, но не стоит спешить с выводами.

Определить реальную численность монголов в походе в Европу и их потери трудно или невозможно по двум причинам. Одна состоит в том, что разные авторы заимствуют количественные данные из нарративных источников, объективность которых сомнительна. И при этом никто, кроме Н. Н. Крадина, не пытается верифицировать их сведениями из объективных источников в естественных науках. Вторая причина связана с тем, что монголы повсеместно устанавливали воинскую повинность у покоренных народов, формировали подразделения из них. На Русь с монголами шли тюрки, на Западную Европу – тюрки, русские и представители народов Северного Кавказа. Сколько было задействовано «союзников», мы не знаем. Но знаем, что в глазах русских тюрки и монголы были на одно лицо – татары. Знаем, что покоренные народы нередко использовались монголами как «пушечное мясо» (особенно при штурме крепостей) и могли нести огромные потери, которых сами монголы избегали: иначе не покорили бы полмира, а разделили бы участь Пирра. Тактика монголов состояла в том, что они расстреливали противника на безопасном для себя расстоянии, нередко

вообще не вступая в контактный бой, а вступали в него только после того, как противник был предельно ослаблен, изранен стрелами (см.: Нефедов 2008).

Допустим, что общая численность завоевателей Руси нам известна. Методику ее расчета дал А. Н. Тюрюканов, исходя из предельного размера обоза сена (скаковых лошадей можно кормить только сеном) в зимнем походе 1237–1238 гг. на 100 тыс. воинов. Такой обоз, занимая всю ширину замерзших рек, по которым двигалась орда, растянулся бы, по расчетам ученого, на десятки километров (Тюрюканов 2001: 243–258). Если принять во внимание ряд обстоятельств похода, не учтенных Тюрюкановым, то реальное суммарное число завоевателей Руси – монголов и тюрок – было не более 65 тыс. (см.: Кульпин 2005).

Как пишет ныне ведущий исследователь Золотой Орды В. Л. Егоров, «в походе на Восточную Европу участвовали 12 Чингизидов, которые действовали сообща вплоть до конца 1240 г. После взятия Киева в декабре 1240 г. армия под командованием хана Бату выполнила все задачи, поставленные перед ней всемонгольским курултаем 1235 г. Однако Бату не удовлетворился достигнутым и решил продолжать поход дальше на запад. Большая часть принцев во главе с Гуюком и Мунке не согласилась с этим и ушли со своими отрядами в Монголию. Этот факт отмечен и в Ипатьевской летописи...» (Егоров 1996: 56–57). Отсюда можно предположить, что история развивалась бы иначе, если бы после взятия Киева сопровождавшие Батыя его ближайшие родственники – 12 чингизидов – не вернулись назад в степи Азии. Но важно еще раз отметить не только победоносность монголов, поставивших под свое господство подавляющее большинство населения всего Старого Света, но и их крайнюю малочисленность.

Мы не знаем, сколько воинов в армии Бату было из основного воинского контингента империи, посчитавших задачу курултая после взятия Киева выполненной, сколько из общего числа 40 тыс. нукеров на всех чингизидов было при принцах, ушедших после завоевания Руси. Знаем только, что «квота» Джучи, перешедшая по наследству его внукам и правнукам – Батыю, Берке, их сыновьям, – составляла 4 тыс. и что эти воины пошли в поход на Западную Европу. Знаем, что реальное количество в тысячах и тьмах могло

быть большим, а иногда и меньшим. Но самое главное из того, что мы знаем, – в армии Бату помимо монголов были тюрки, русские и кавказцы, а также что для похода в Европу не обязательно присутствие большого количества монголов (сумели же два тумена покорить Иран, Закавказье, Северный Кавказ и разгромить половцев и русских на Калке). Далее, мы можем уверенно предположить, что главной опорой монголов могли быть только тюрки, чье вооружение и тактика были идентичны монгольским, а также что тюрков в походе в Европу было явно больше, чем монголов. И в этом факте можно попробовать поискать те резоны нарушения завета Чингисхана, которые до сих пор историками не рассматривались.

Бунт народного ополчения

Улус Джучи был частью империи, созданной Чингисханом, основой которой была армия, состоящая из монголов и тюрков. Монголы были господствующим и принимающим решения этносом, тюрки – подчиненным и орудием выполнения решений. Хотя численность монголов в Улусе, похоже, не превышала 5 % от общего количества кочевого населения Улуса, это отнюдь не мешало монголам быть не просто господствующей, но и руководящей силой общества*. В ходе развития именно этим вначале двум разным народам предстояло впоследствии стать одним. Но были ли они единым целым на начальном этапе или консолидация произошла много позднее?

Консолидации далеко не всегда способствуют общие традиции, язык и образ жизни. История полна примеров того, что наиболее непримиримыми врагами становятся прежние соратники, родственники, соплеменники. А разные люди, не родственники, не соплеменники, при наличии общих интересов сближаются, и со временем у них появляются общие традиции, язык и образ жизни. Этому способствует *общее дело*, важнейший консолидирующий фактор, если оно есть и остается неизменным в течение длительного времени. Таким изначально объединяющим общим делом чаще

---

* Примеров подобного в истории много. В частности, в России XVIII в. дворянство, осуществлявшее радикальные преобразования, не превышало 2 % от общей численности населения империи (динамику роста дворянства в России см.: Миронов 1999, т. 1: 130; т. 2: 208).

всего является совместная защита против внешнего врага, но может быть и общее дело по совместному обустройству текущей и грядущей внутренней жизни.

Воины Бату, которые завоевали Восточную Европу и ввергли Западную в состояние ужаса, помимо грабежа жителей городов, взятых штурмом, имели одну общую задачу, одно общее дело – завоевание новых земель. При завоеваниях новая «пустая» земля возникала за счет изгнания аборигенов. Однако имелись и различия в целях монгольской знати и рядовых воинов – монголов и тюрков. Хотя М. Г. Сафаргалиев утверждал, что «главная причина монгольского завоевания заключалась в стремлении приобрести большие необитаемые пространства земли, как непереносимое условие кочевого способа производства» (Сафаргалиев 1996: 93), с этим утверждением можно согласиться лишь частично.

Действительно, завоевание новых земель было целью и рядовых воинов, и монгольской знати. Знать стремилась иметь возможность получения постоянной дани с покоренных земледельческих народов. Лишь при завоевании Северного Китая монгольская знать рассматривала возможность истребления завоеванных народов. Один из наиболее авторитетных исследователей Золотой Орды Вадим Егоров пишет: «Активно действовавший при жизни Чингисхана и его преемнике Удегэе первый министр Елюй-Чуцай разработал общеимперские принципы обложения данью покоренных земель. При этом ему пришлось преодолеть сопротивление консервативной части степной аристократии, призывающей каана к поголовному истреблению покоренного населения и использования освободившихся после этого пространств для нужд кочевого скотоводства. С помощью цифровых выкладок Елюй-Чуцай доказал во много раз большую выгодность обложения завоеванных народов данью, а не истребление их» (Егоров 1996: 55).

Интересы монгольской знати могли заключаться в завоевании всей Европы, чтобы получать дань со всех европейских народов. А что ждало бы рядовых кочевников, если бы они остались в Западной Европе? Им пришлось бы стать новым сословием воинов и жить в городах. Но желали ли они этого? Их предки, да и они сами не знали, как жить в городах, да и не хотели этого знать. Они хоте-

ли вести привычный кочевой образ жизни, что было физически невозможно в Западной Европе. Они могли с риском для жизни штурмовать западноевропейские города и замки только затем, чтобы иметь трофеи. Но после завоевания Руси трофеи уже потеряли притягательность новизны. Кочевники бросали их по дороге от одного города к другому или после взятия следующего города.

Надо полагать, что блестящие победы в Западной Европе достались армии Бату, образно говоря, малой кровью за счет «тщательно продуманного стратегического плана» и претворения его в жизнь с «поразительной точностью» (об этом см.: Геккеньян 2009) и несомненного тактического превосходства воина-степняка над европейским рыцарем (об этом см.: Кадырбаев 2006).

Хотя демонстративное избиение рыцарского ополчения под Легницей ввергло Западную Европу в состояние ужаса, парализующего волю к сопротивлению, победоносная армия не стала закреплять победу. Почему же? Ответ может быть неожиданным, то есть не там, где его искали до сих пор, не в политике, а в этнической и социальной структуре общества, в том, что победоносная армия Бату, состоящая из монголов и тюрков, профессиональная по боевым качествам, в социальном отношении была вовсе не профессиональной армией, а всенародным ополчением. При оборонительных войнах такой тип армии естественен, при наступательных – редкий феномен в истории народов.

Армия была не только всенародным ополчением, она была самим народом, который вместе со всем хозяйством, стадами передвигался в походах как одно неразделимое целое. Армейские подразделения – десятки и сотни – строились по родовому и племенному принципу. Каждый погибший и увечный из десятка был не только соратником по оружию, но и ближайшим родственником, а из сотни – дальним родственником. Такое строение означало доверительные отношения друг к другу даже в тоталитарной армии, где недопустимо инакомыслие, где за любое нарушение была одна мера наказания – смертная казнь. А раз так, то невозможно представить себе, чтобы они не задумывались и не обсуждали вопрос: а для чего жертвы? Жертвы не просто соратников, но близких и дальних родственников.

Поразительно, что историки до сих пор не задавались вопросом: а нужно ли было завоевание Западной Европы рядовым войнам – массе армии Бату? Зачем получать увечья и рисковать собственной жизнью? Ответ известен: не ради собственных интересов, а ради интересов монгольской знати. В Западной Европе невозможно вести кочевой образ жизни, что означало в понимании кочевников невозможность самой жизни. В походе на Западную Европу почти три года – с 1239 по 1242 г. – воины Бату непрерывно воевали неизвестно ради чего и в последние два года вообще не видели своих семей. Надо полагать, что прежде всего бесцельность и психологическая усталость (именно психологическая, поскольку армия была победоносной) была огромной.

Известно, что западноевропейский поход Бату-хана начался и закончился в степях Дешт-и-Кыпчака. О чем нам говорит этот факт? О том, что семьи – матери и отцы, жены и дети – воинов во время походов находились не где-нибудь, а в степях Дешт-и-Кыпчака. Возможно, впервые во время дальнего похода семьи остались в глубоком тылу. И тюркской массе (семьи, не исключено, как и раньше, сопровождали монгольскую знать), естественно, хотелось вернуться к семьям, которых вовсе не случайно не было в походе на Запад. В Западной Европе за исключением маленькой венгерской пушты нет степей, где семьи – женщины и дети – могли бы пасти скот. Только в Азии и Восточной Европе была огромная степная зона, причем в Восточной Европе находились лучшие степи всей Евразии. Только там было лучшее место для жизни кочевников.

Наступление монголов на Западную Европу велось одновременно в трех направлениях, образно говоря, по максимальной широте фронта. Столь значительная рассредоточенность войск свидетельствовала о стратегической уверенности монголов в своей силе. «Южную колонну возглавляли Орда, Кадан и Субедей. Они прошли по Трансильвании, захватили города Родна, Бестерце, Варадин, Сибиу и др. Северная колонна Байду и Кайду заняла Сандомир, под Хмельником разгромила объединенную польско-краковскую армию (18 марта 1241 г.), а затем овладела Краковом (28 марта). 9 апреля под Легницей Байдар уничтожил цвет немецко-польского рыцарства. Центральная колонна во главе с Бату двигалась через Верецкий перевал; 11 апреля у р. Шайо она уничтожи-

ла армию Белы IV (сам король бежал), 16 апреля пал Пешт. В январе 1242 г. капитулировал Эстергом» (Тартарика 2005: 278).

Три потока Батыевой рати собрались в 1242 г. на берегах Адриатики. Мы не знаем, как подводила итоги похода монгольская знать, что думали военачальники о смерти каана в далекой Монголии, какие толковища вели рядовые воины о своем прошлом, настоящем и будущем. Известен *сухой остаток*: впервые монголы нарушили завет Чингисхана – двигаться на Запад до тех пор, пока будет земля, на которую может ступить копыто монгольского коня. Более того, после западного похода Бату наступило десятилетие мирного времени, и это был единственный период правления, как подчеркивает Вадим Егоров, когда Золотая Орда не вела никаких войн (Егоров 1995: 52).

Бату-хан шел на Европу во главе разноплеменного войска, массовое ядро которого составляли тюрки. Любой вождь обязан чувствовать желания масс и считаться с ними.

Монгольская знать и тюрки

Нарушив завет Чингисхана, монголы явно уступили желаниям рядовых воинов и ограничили свои интересы, но не утратили инициативы и лишь перенаправили свою роль ведущей силы не на новые завоевания, а на закрепление уже завоеванного. Была ли это временная уступка или принципиальное изменение стратегии развития, зависело от дальнейшего изменения соотношения сил и интересов различных этнических групп завоевателей.

На этапе завершения похода на Запад в отношении Восточной Европы цели монголов и тюрков если не совпадали, то и не противоречили друг другу. Монголы получили власть и вместе с ней собственность: право владеть природными и человеческими ресурсами завоеванных народов. Тюрки получили землю.

При этом для истории народа и названий его племен важно знать, как ее получили. Получили, так сказать, по армейскому распределению. Монгольское войско формировалась по аилам – семьям. Десять аилов – десяток воинов. Сотня – род – сотня воинов. Племя – тысяча, десять тысяч аилов – 10 тысяч воинов (тьма). Тысячи и тьмы у монголов формировались по племенному принципу. Новые земли могли распределяться только по тому же

принципу. Во главе сотни, сформированной из тюрков, стояли сотники – монголы, но могли стоять и тюрки, а во главе тысяч и темь – только, или как правило, монголы. Когда монгольские тысячи ушли домой, монгольские военачальники тюрков остались. Поскольку тысячи и тьмы назывались по тысячникам и темникам, то отсюда и ведут свое происхождение монгольские названия тюркских родов Золотой Орды. Иными словами, монгольские названия тюркских родов вовсе свидетельствуют о том, что эти тюрки изначально были монголами.

После завоевательных походов рядовые монголы ушли в Монголию, а у тюрков появилось *свое дело* – обустройство своей жизни на новых пастбищах. Попросту говоря, их *дело* было в том, чтобы мирно жить, хотя они вынуждены были нести повинности и воевать, когда монголы обязывали их давить очаги сопротивления земледельческих народов, вошедших в состав империи.

По отношению к побежденным народам монголы и тюрки действовали как единое целое. Поэтому утверждение В. Л. Егорова о том, что после завоевания Восточной Европы «оставшиеся в подчинении Бату феодалы и простые воины с семьями составили основу государственного аппарата и армии» (Егоров 2005: 6), справедливо. Но при таком обобщении остается в тени различие функций и роли монгольской знати и рядовых воинов. Традиционно историки рассматривают завоевателей как единое целое, никто не исследует взаимоотношения монголов и тюрков. Вне поля зрения российских историков остается одно из важнейших положений Германа Федорова-Давыдова – основоположника золотоордынской археологии. Впервые оно было высказано еще в 1966 г. (Федоров-Давыдов 1966), повторено в 1994 г. Ученый утверждал, что тюрки не были полноправными хозяевами своей земли, а, как и жители завоеванных земель, были подневольным народом. Более того, «кочевое население оказалось первоначально для золотоордынской верхушки наиболее удобным, естественным объектом угнетения и эксплуатации. Оседлые земли она грабила, разоряла, уводила оттуда народ, обкладывала тяжелой данью. Но в управление хозяйственной жизнью оседлых народов она не вмешивалась. Непосредственными эксплуататорами оставались местные феодалы» (Он же 1994: 8).

После похода в Европу тюрки хотели просто мирно жить, в то время как монголы должны были обустроить свое государство. Они продолжали процесс созидания могущественной мировой империи, и если не стремились осуществлять тотальное руководство этим процессом, то прилагали усилия к возможно более полному контролю над его исполнением. Как конкретно они это делали, мы знаем. Вадим Егоров так характеризует государственное устройство Золотой Орды: «Административное деление государства полностью повторяло устройство монгольской армии. В соответствии с этим вся территория делилась на два крыла – левое и правое. Правое называлось Ак-Орда (Белая Орда) – этот цвет по монгольской традиции обозначал запад; левое называлось Кок-Орда (Синяя Орда), что являлось синонимом востока. Более мелкие административные единицы составляли улусы темников, которые раздавал хан самым крупным феодалам. Всего их было около 70-ти, причем с каждого улуса для общегосударственной армии выставлялся, как минимум, десятитысячный отряд в полном вооружении и на лошадях. Улусы темников дробились на владения тысячников, а те, в свою очередь, – сотников и десятников. И каждый из них за право обладания улусом с соответствующим населением обязан был выставлять определенное число воинов по первому приказу хана или беклярибека. Каждый владелец улуса хорошо знал границы собственных владений и предписанные ему маршруты кочевий с отарами овец и табунами лошадей» (Егоров 2005: 5–6).

Подведем первый итог. После закрепления завоевания монгольская знать и рядовые завоеватели-тюрки имели разные конкретные интересы. Причем только для монголов обустройство государства было в буквальном смысле делом жизни и смерти. Иное дело – тюрки. Система самоорганизации степного тюркского социума позволяла ему обходиться без государства, главная ценность которого в глазах общества – поддержание порядка. Вообще, история не знает ни одного случая, когда бы государство в степи возникло спонтанно. Кочевники обычно не стремятся к политическому объединению. Ханов не избирают и не приглашают. Лишь при особых, экстраординарных обстоятельствах появляются ханы и присваивают власть (об этом см.: Гольден 2004: 111–112).

Тюрки после похода на Запад пасти скот на землях, с которых прежние хозяева были изгнаны (или лишены прав владения), могли и без государства, как это неоднократно бывало в истории и тюрков, и монголов. Как это было и у половцев, которые жили в русских степях родовым строем и не имели сильных стимулов создавать государство. Не было стимулов для создания государства и со стороны окружающей среды, не было «вызовов» не только соседней – стран и народов, но, что чрезвычайно важно, и природы.

В сравнении с другими эпохами время смены первых семи демографических поколений Золотой Орды в целом ознаменовалось исключительно благоприятными климатическими условиями, способствующими увеличению поголовья скота, росту благосостояния кочевников и расширенному демографическому воспроизводству. Во всем интервале времени жизни первых семи демографических поколений завоевателей в Восточной Европе, хотя зимы бывали холодными, не было иссушающей летней жары, а количество осадков было в пределах многовековой нормы либо выше нее. Здесь следует обратиться к исследованиям В. В. Клименко и А. М. Слепцова (см.: Слепцов, Клименко 2005; Клименко 2005), выполненным по проекту РФФИ «Теоретическое и экспериментальное моделирование социально-экологических процессов в истории России» (рук. Кульпин Э. С.). В результате исследований точность знания климата прошлого увеличилась втрое: впервые вместо тридцатилетних были получены десятилетние циклы. Из взаимосвязанных климатических показателей наиболее важным для жизни биоценоза степи был последний, поскольку «в аридных и семиаридных областях лимитирующим фактором является увлажнение» (см.: Иванов, Луковская 1997: 33–35). В целом вплоть до середины XIV в. климатические условия для кочевого скотоводства благоприятны: лета прохладные, зимы – теплые, осадки в норме, а в первой трети XIV в. осадков больше нормы. Лишь во второй половине XIV в. климат меняется в худшую сторону – становится засушливым, количество осадков резко снижается, летние месяцы первого десятилетия второй половины столетия чрезмерно жаркие, зимние – морозные.

* * *

Монголы прежде всего были заинтересованы в создании и поддержании информационно-транспортной сети. Эта сеть являлась на первых порах необходимейшим условием жизнеспособности империи. Только быстрая передача информации могла гарантировать стремительную реакцию войск, подавление сепаратистских выступлений, а в случае невозможности Улуса Джучи обойтись своими силами – получение помощи от всей Монгольской империи. Как писал Г. С. Губайдуллин, «...дороги постоянно ремонтировались, велось большое строительство новых дорог. Через некоторые реки были переброшены мосты. У переправ через крупные реки содержались специальные лодки и лодочники, тут же на берегах рек были дома, где проживали проводники... Придорожным жителям вменялось в обязанность сопровождать государственных чиновников, путешественников и купцов, предоставлять им при надобности лошадей, кормить, устраивать их ночлег и отдых... На больших дорогах были сооружены специальные дома – ямы, в которых содержались почтовые лошади, всегда готовые для нужд путешественников» (Газиз 1994: 65). Даже в тяжелых природно-климатических условиях полупустыни «на отрезке этого пути от Хорезма до Волги через каждые 25–30 км (дневной переход каравана верблюдов) были построены караван-сарай с колодцами, а через реку Эмбу наведена белокаменная переправа» (Егоров 2005: 8).

Конечно, в созданной монголами транспортной системе переправы обслуживали не только тюрки. М. В. Ельников, исследовавший Поднепровье, пишет: «Необходимость обслуживания водных перевозов через Днепр и получение продуктов земледелия способствовали сохранению в регионе оседлого населения, основу которого составляли славяне, аланы и болгары» (Ельников 2005: 58). Однако постоянные дворы – ямы, надо полагать, содержали только владевшие необходимым количеством скота и пользующиеся доверием монголов тюрки.

Устройство транспортной сети требовало огромных материальных и человеческих ресурсов. В Европе того времени обычный дневной переход составлял от 20 до 60 км в день, на Руси – 25–30 км, всадник преодолевал расстояние от 50 до 85 км. В монголь-

ской империи информация передавалась от яма к яму с максимальной эстафетной скоростью. «На этом фоне, – констатирует ведущий современный исследователь монгольской империи Николай Крадин, – монгольская почтовая служба выглядит почти как сверхзвуковой истребитель в сравнении с аэропланом начала XX в.» (Крадин, Скрынникова 2006: 469).

Как пишет Крадин, «монгольские ханы осознали необходимость создания специальных институтов, которые могли бы быстро и беспрепятственно переносить информацию на очень большие расстояния. Для этих целей была создана ямская служба. <...> Ямские станции было решено расположить по маршруту до ставки Бату-хана. После обсуждения указ был обнародован в следующем виде: “§ 280. Учреждаются должности унгучинов, балагачинов и амучинов. Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты, укомплектуют их ямчинами (смотрители почтовых станций) и улаачинами (верховные почтари). При этом на каждой яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого неостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа”» (Там же: 468–469).

Почтовые станции обеспечивали гонцам немислимый для европейцев того времени комфорт, о чем с нескрываемым изумлением и восхищением, генерализируя и идеализируя, писал Марко Поло: «По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого хана, через двадцать пять миль (около 40 км) он приезжает на станцию, по-ихнему янб, а по-нашему конная почта; на каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристають... В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоянных дворов, и там великий хан для гонцов приказал устроить станции, дворцы и все нужное, как на других станциях, и коней, и сбрую; гоньба только подалее; есть станции в тридцать пять миль, а в ином месте более сорока» (цит. по: Там же: 469–470).

Ямы располагались на расстоянии одного дневного пешего перехода – около 25–30 километров. (Для сравнения: установление регулярных почтовых трактов в России берет свое начало с 1707 г. с расстоянием между станами в 15 километров и содержанием на каждом постоялом дворе-стане по 10 лошадей. В конце третьей четверти XVII в. от Москвы до Тобольска станы из нескольких домов, то есть семей, были установлены на расстоянии 55 км. Каждый дом должен был содержать по три лошади для проезжающих. [Вигилев 1979: 50, 80–81].)

Размеры Улуса Джучи были огромны и превосходили по размеру все другие улусы монгольского государства. С запада на восток Улус простирался на пять тысяч километров, с севера на юг – на три тысячи. Дорог было много. И постоянных дворов было много. Сколько было гонцов, сколько людей дополнительно были заняты обслуживанием коммуникаций, мы не знаем. В Российской империи только гонцов в первой четверти XVII в., когда она по территории равнялась примерно половине Золотой Орды, было 2 тыс. человек (Там же: 40). Ясно, что ямская повинность в Улусе Джучи распространялась на многие рода кочевников, может быть, на большую их часть.

Система постоянных дворов должна была обеспечивать путникам, прежде всего гонцам, кров, пищу, тягловую силу (лошадей и верблюдов) и транспортные средства (подводы). Обслуживать каждый постоянный двор, как показывает опыт почтовой службы России в тех же природных условиях, могли не менее трех семей, либо для кочевников – одна большая семья, род.

Поскольку все мероприятия в монгольской империи распределялись по военному принципу – десяткам, сотням, а последние составлялись по принципу большой семьи, рода, то род должен был решать, кому и как содержать тот или иной постоянный двор. Содержать можно двояко: по вахтенному методу или на постоянной основе, когда члены рода должны были взять на себя обязательство содержать родственников, выполняющих государственную повинность.

Если учесть, что в первом поколении пришедших в Восточную Европу было, по-видимому, всего 50–55 тыс. семей тюрок (расчет

см.: Кульпин 2005: 14–24), то повинность по обслуживанию постоянных дворов нужно было распределить по всем тюркским родам.

Ямская повинность всегда тяжела для всех стран и народов. К примеру, условия жизни работников почтовых станций в Московском государстве XVII в. были, что характерно для этой службы, столь тяжелыми, что историки пишут так: «Когда просматриваешь бумаги об Ахтырской почте в делах Разрядного приказа ЦГАДА, создается впечатление, что почтари, кроме драк с гонцами, ничем больше не занимались – столь велико было количество челобитных на эту тему» (Вигилев 1979: 55). Порядок на трактах установился лишь в XVIII в. Бывали случаи нападения на почтарей, происходили грабежи гонцов (Там же: 65–67, 74–75). В ямах монгольской империи, как ни тяжела была повинность их содержания, ничего подобного не было, хотя, не исключено, по одной причине: за любое нарушение порядка существовала одна мера наказания – смертная казнь.

В отличие от оседлых народов для кочевников ямская повинность была не просто тяжелой, но противостояла всему укладу жизни. Кочевники не могут находиться на одном месте, где скот быстро съест всю траву в округе и будет голодать, а вместе с ним будут голодать и люди. Чтобы жить, кочевники должны кочевать. *Постоянное жительство на одном месте находится в непримиримом противоречии с хозяйственной практикой отгонного скотоводства и означает насильственное осаждение части тюрков на землю.* Но было ли противоречие непримиримым в данном случае?

Как конкретно решался вопрос в семьях: кто должен был оставаться на одном месте и содержать постоянный двор, кто уходил со стадами на десятки, сотни километров от ям, мы не знаем. Знаем только, что впоследствии многие из постоянных дворов превратились в поселки, а потом и города.

Однако что было самым важным в этом процессе осаждения кочевников на землю? То, что для первых одного-трех демографических поколений тюрков не существовало *точки невозврата*, или ситуации, когда нельзя было вернуться к кочевой жизни. Думается, что и для последующих поколений возможность возврата не исключалась. Необходимость и возможность временной оседлой

жизни, как и срочная служба в армии, давала возможность осуществления *естественного селективного добровольного отбора* семей, желающих жить на земле постоянно, как ныне солдаты срочной службы остаются служить в армии по контракту. При этом дети, не желающие оседлого образа жизни, как их отцы, могли уходить к близким кочевым родственникам. Иными словами, для первых поколений завоевателей, а видимо, и последующих была возможность возвращения к кочевому образу жизни, что снимало традиционное психологическое отторжение кочевниками оседлости.

* * *

В армии завоевателей немногочисленные монголы были господствующим этносом, тюрки – подневольным. Перед завоеванием Восточной Европы интересы монголов и тюрков совпадали лишь частично: монголы хотели новых пастбищ для своих огромных стад и стремились распространить свою власть на возможно большее число народов, чтобы обложить их данью, тюрки – обрести новое жизненное пространство. Объективный анализ возможностей осуществления желаний монголов и тюрков в Западной Европе показывает, что тюрки могли убедиться, что Западная Европа и их представления о нормальной жизни несовместимы, что комфортно они могут жить лишь в южнорусских степях Восточной Европы. В походе на Западную Европу, вероятно, впервые выявилось принципиальное расхождение интересов монголов и тюрков. Не исключено, что на вопрос, мучивший историков столь долгое время, почему Батый не стал утвердаться в Западной Европе, имеется простой ответ: Западная Европа была не нужна основной массе завоевателей. Тюрки, получив новый вмещающий кормящий ландшафт в Восточной Европе, «голосованием ногами» приостановили дальнейшую экспансию монголов в Западную Европу.

Литература

- Вигилев, А. Н. 1979. *История отечественной почты*. М.: Связь.
- Газиз, Г. 1994. *История татар*. М.: Московский лицей.
- Геккеньян, Х. 2009. Поход на Запад и завоевание Восточной Европы. *История татар с древнейших времен*: в 7 т. Т. III. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.* (с. 161–165). Казань: АН РТ.

Гольден, П. 2004. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи. В: Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. (ред.), *Монгольская империя и кочевой мир* (с. 103–134). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

Егоров, В. Л.

1996. Александр Невский и Золотая Орда. *Александр Невский и история России*: Материалы научно-практической конференции. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

2003. Монгольское иго на Руси. *Татарский мир* № 14. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=175&section=0&heading=0>

2005. *Золотая Орда*. М.: ГМИ.

2009. *Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.* 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.

Ельников, М. В. 2005. Экономические и культурные связи населения Нижнего Подднепровья и Крыма в золотоордынский период. *Сугдейский сборник* (с. 57–65). Вып. 2. Киев; Судак: Национальный заповедник «София Киевская».

Иванов, И. В., Луковская, Т. С. 1997. Проблемы социоестественной истории аридных и семиаридных областей Евразии в голоцене. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Человек и природа. Материалы VI конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории»*. М.: ИВ РАН.

История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: ГРВЛ, 1974.

Кадырбаев, А. Ш. 2006. Польша и тюрко-монгольские народы в историческом пространстве. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Человек и природа: из прошлого в будущее*. М.: Энергия.

Клименко, В. В. 2005. История климата Восточной Европы. В: Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. (ред.), *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ Энегия.

Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. М.: Вост. лит-ра.

Кульпин, Э. С. 2005. Демографические и миграционные процессы тюрков и славян в Восточной Европе в XIV–XVII вв. *Восток* 4: 14–24.

Мак-Нил, У.

2004. *Восхождение Запада. История человеческого сообщества*. Киев: Ника-центр; М.: Старклайт.

2008. *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX вв.* М.: Территория будущего.

Миронов, Б. Н. 1999. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*: в 2 т. Т. 1, 2. СПб.: Дмитрий Буланин.

Нефедов, С. А.

[Б. г.] А было ли иго? URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/nef_abuloigo.php

2001. Новая интерпретация истории Монгольской Руси. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН 14.03.01 № 556326. URL: http://book.uraic.ru/elib/Authors/Nefedov/Science/Russia/Mongol1.htm#_ednref67

2008. Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний). *История и современность* 1: 189–225.

Пушкарев, С. Г. 1991. *Обзор русской истории*. М.: Наука.

Рашид ад-Дин. 1952. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 1, 2. М.; Л.

Сафаргалиев, М. Г. 1996. Распад Золотой Орды. В: Муслимов, И. Б. (сост.), *На стыке веков, континентов и цивилизаций (из опыта образований и распада империй X–XVI вв.)*: сб. М.: ИНСАН.

Слепцов, А. М., Клименко, В. В. 2005. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет. *История и современность* 1: 118–135.

Тартарика. Казань; М.; СПб.: Феория, 2005.

Тизенгаузен, В.

1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. СПб.

1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. М.; Л.

Тюрюканов, А. Н. 2001. Влияние природы и населения Великой степи на современные ландшафты Центральной России (К вопросу о происхождении феномена «Окской флоры»). В: Тюрюканов, А. Н., *Избранные труды. К 70-летию со дня рождения*. М.: РЭФИА.

Федоров-Давыдов, Г. А.

1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. М.: МГУ.

1994. *Золотоордынские города Поволжья*. М.: МГУ.

Фицджералд, Ч. П. 2004. *История Китая*. М.: Центрполиграф.